

Сага о Бреттон-Вудсе

Ed Conway

The Summit**The Biggest Battle of the Second World War—Fought Behind Closed Doors**

Little, Brown, London, 2014, 863 pp., \$29.95 (cloth).

Здесь есть все для захватывающей истории. Группа ярких персонажей в уединенной гостинице в горах Нью-Хэмпшира. Чудесная летняя погода, изобилие, которого многие присутствующие не видели в течение почти пяти военных лет, много спиртного. В двух главных ролях: Джон Мэйнард Кейнс из Великобритании — блестящий ум, эксцентрик, больной, со слабыми козырями на руках, его сопровождает жена, неординарная прима-балерина Лидия Лопокова (Лопухова), и Гарри Декстер Уайт из Министерства финансов США — решительный, добившийся всего сам, энергичный и в прошлом имевший контакты с советской разведкой. Задача заключалась в достижении договоренности о международной валютной системе, которая устранила бы бедствия, вызываемые нестабильностью и массовой безработицей. Несмотря на сложности тематики и хаос работы по составлению проектов соглашений, была достигнута договоренность, которая остается синонимичной международному сотрудничеству. Если Кейнс был разочарован результатом, а Уайт стал сомневаться в некоторых основных характеристиках, она, тем не менее, привела к созданию и финансированию двух организаций, которые находились в гуще международного экономического сотрудничества на протяжении 70 лет.

Это увлекательная история, и Эд Конвей, экономический редактор Sky News, рассказывает ее с большим

энтузиазмом. Он пользуется мемуарами участников и находит удивительные крупницы информации в архивах по всему миру. Основное внимание он уделяет человеческой драме, которая развернулась на конференции, но читатель также узнает о предыстории решавшихся на ней проблем и о том, что они значили для участников, а также о последующей судьбе договоренности между ними.

Конвей подчеркивает давление на участников переговоров со стороны национальных политиков, у которых была масса своих узких интересов и которые не очень хорошо понимали проблематику, а также давление со стороны представителей финансового сектора, которые ревностно старались сохранить многие способы зарабатывания денег. Последующая ратификация двух соглашений о создании Всемирного банка и МВФ представляется еще большим чудом, если учесть судьбу других соглашений, например, о Международной торговой организации.

Основные вопросы международного экономического и валютного сотрудничества, обсуждавшиеся на конференции, остаются в центре разработки политики сегодня. Следует ли распределять бремя корректировки как среди стран, имеющих профицит, так и среди стран, имеющих дефицит? Как лучше всего обеспечить стабильность обменных курсов, не делая систему чрезмерно жесткой и не создавая невыносимого бремени корректировки? Насколько автономной должна быть внутренняя экономическая политика и насколько свободным должно быть движение капитала? Как можно управлять неподъемным долгом страны? Живой рассказ Конвея о том, как участники конференции в той гостинице в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир, решали эти вопросы, позволяет глубже понять проблемы нынешнего раунда кризисов.

Мандат МВФ в Статьях соглашения, выработанных в Бреттон-Вудсе, изложен сложным и туманным языком. Это вряд ли вызовет удивление с учетом запутанности переговоров. Кейнс жаловался, что предложенный США проект соглашения был написан, по-видимому, на языке чероки, но Уайт и его делегация старались оставить текст именно таким. У них было больше опыта правовой традиции, где основные документы составлены так, чтобы они применялись в случаях, которые и в голову не пришли бы их составителям. Но в результате МВФ получил

гибкость, необходимую для адаптации и реагирования на меняющиеся потребности мировой экономики.

Правила Бреттонвудской системы были составлены таким образом, чтобы быть расплывчатыми. Более опытные составители понимали, что правила, вероятно, сохранятся, только если другие страны готовы применить санкции к нарушителям — редко бывало, что нарушителем была страна с крупным профицитом. Соглашение могло бы рассыпаться при первой трудности, если бы правила были более конкретными. Но сложилась ситуация, что обеспечение применения было не очень строгим, и появились способы обойти неудобные нормы.

Валютная система, которая была разработана в Бреттон-Вудсе, начала функционировать лишь в конце 1950-х годов, и была в основном ликвидирована в 1971–1973 годах. Но это был один из самых благополучных и стабильных периодов в международной экономической истории. Трудно сказать, насколько это объяснялось конкретными правилами, принятыми в Бреттон-Вудсе, и насколько это было вызвано другими факторами, такими как послевоенное восстановление или импульсы спроса со стороны США и их готовность предоставлять необходимую ликвидность. Хотя система сломалась под грузом дефицита счета текущих операций США и бурного роста финансовых рынков, будущие реформаторы международной валютной системы по-прежнему призывают к созданию новой Бреттонвудской системы.

Итак, что было основным достижением этих недель в горах Нью-Хэмпшира, если правила международной валютной системы были столь недолговечными?

Оно заключалось в создании и финансировании двух организаций, которым поручено способствовать международному финансовому сотрудничеству и экономическому развитию. Их результативность в содействии общей цели служит оправданием дальновидности и решимости Кейнса, Уайта и их коллег, проявленных в Бреттон-Вудсе 70 лет назад.

Марк Аллен,

бывший глава Постоянного представительства МВФ для Центральной и Восточной Европы, бывший директор Департамента разработки и анализа политики МВФ

Фонд: взгляд изнутри

Liaquat Ahamed

Money and Tough Love

On Tour with the IMF

Visual Editions, London, 2014, 208 pp., \$40.00 (paper).

В своей книге «Деньги и суровая любовь» (*Money and Tough Love*) Лиакат Ахамед описывает профессиональную жизнь экономистов МВФ и их международного сообщества, излагая одновременно краткую историю создания и развития организации. Это сложная задача, так как деликатный характер работы МВФ определяет склонность организации к конфиденциальности.

Книга «Деньги и суровая любовь» делает МВФ и его работу понятной и доступной для читателя, в ней описываются повседневная деятельность и традиции ее рядовых сотрудников. Вместо попыток драматизировать дни экспертов по экономической политике, корпящих над электронными таблицами, Ахамед объясняет,

как сотрудники МВФ спокойно вносят свой вклад в создание важнейшего глобального общественного блага.

Приоткрывая завесу над жизнью на 19-ой улице, Ахамед отказывается от взволнованного повествования непосредственных очевидцев о финансовом кризисе и хвалебных характеристик руководителей организации. Будучи человеком со стороны, он, к счастью, избегает искусственно восстановленных диалогов и фальшивого всезнайства мемуаров участников. Его книга меньше походит на «Стресс-тест» и больше напоминает макроэкономический вариант «Взросление на Самоа».

Проект Ахамеда, которой основан на его посещениях штаб-квартиры и поездках с сотрудниками МВФ в конце 2012 года, является своевременным.

После того, как МВФ списали со счетов в 2007 году как практически ненужный те, кто считал, что финансовые кризисы прекратились, Фонд вновь оказался в центре мировой арены после краха Lehman Brothers в 2008 году. С тех пор он упоминается в заголовках газет практически ежедневно, даже на 70-м году своей деятельности.

Более широкое освещение в СМИ не повлекло за собой большего понимания работы МВФ. Книга Ахамеда помогает преодолеть этот разрыв.

Эта монография организована вокруг четырех аспектов деятельности МВФ: повседневной жизни в штаб-квартире МВФ в Вашингтоне; круговорота Ежегодных совещаний МВФ и Всемирного банка в Токио в октябре 2012 года; «миссии» (или визита персонала МВФ) в октябре 2012 года в Ирландию, одну из немногих стран с «развитой» экономикой, которая заимствовала средства у МВФ в последние годы; и миссии в ноябре 2012 года в Мозамбик, бедную страну, которая неоднократно заимствовала средства у МВФ и зависела от помощи. Такое сочетание дает Ахамеду основу для рассмотрения широкого круга видов деятельности со-

Научиться расти

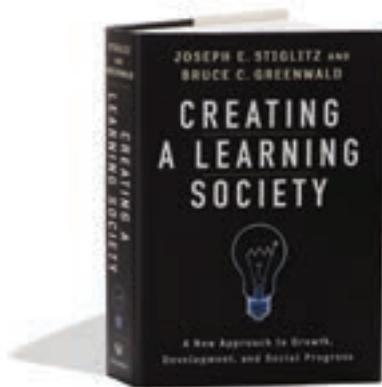
Joseph E. Stiglitz and Bruce C. Greenwald

Creating a Learning Society

A New Approach to Growth, Development, and Social Progress

Columbia University Press, New York, 2014, 680 pp., \$34.95 (cloth).

Эта знаковая книга, первоначально задуманная как серия лекций в честь Кеннета Эрроу (и неявным образом — Боба Солоу), сочетает работу Эрроу, представляющую собой образец обучения на практике, с моделью экономического роста Солоу. В ней утверждается, что технический прогресс представляет собой процесс обучения и что компании растут, а страны развиваются по мере того, как они обучаются тремя способами — изобретая, вводя новшества (адаптируя изобретения к производственным процессам), и «обучаясь тому, как учиться». Авторы утверждают, что успешные страны от менее успешных отличаются именно процессом обучения, который позволяет компаниям, отраслям и, в конечном итоге, всей экономике достичь своего истинного потенциала.

Идея о том, что обучение определяет экономический успех, объединяет различные направления литературы и ставит другие направления под сомнение. Не имеющий точного определения термин «динамичное сравнительное преимущество» наделяется содержанием благодаря критической оценке того, сохраняет ли (в мире с мобильностью капитала) свое значение стандартное понятие сравнительного преимущества, основанное на факторах производства. Авторы предполагают, что большинство фирм застряло внутри границы производственных возможностей; обучение позволяет им приблизиться к этому рубежу и сместить его, хотя некоторые могут утверждать, что такая граница сама недостаточно четко опре-

делена в мире, где компании и страны развиваются благодаря обучению. Возможно, самым главным достоинством книги является то, что она предлагает свежий взгляд на роль государства в стимулировании роста и благосостояния. Знания представляют собой общественное благо, и при отсутствии государственного вмешательства в конкурентной рыночной экономике их предложение было бы недостаточным. Однако ответ на вопрос о том, какой объем государственного вмешательства обеспечил бы наибольшую отдачу в плане обучения, не является очевидным. Джозеф Стиглиц и Брюс Гринауальд утверждают, что мнение Йозефа Шумпетера о том, что монополии генерируют инновации, не всегда справедливо, но признают, что противоположная точка зрения, согласно которой конкуренция обеспечивает более сильные стимулы к нововведениям, также не всегда может быть правильной. В условиях конкуренции компании имеют меньшие размеры и, следовательно, в меньшей степени способны нести фиксированные расходы на инновации. В книге приводятся весомые основания для промышленной политики, которая поощряет отечественные фирмы к введению новшеств и приобретению знаний, а также к сохранению этих знаний внутри стра-

трудников МВФ и их связей с мировой экономикой.

Ахамед достигает равновесия между признанием прозаических элементов работы МВФ (хотя он и признается, что они для него скучны) и отражением понимания сопричастности цели организации, которое характерно для большинства сотрудников МВФ. В повествовании Ахамеда, корифеи из МВФ корпят над деталями мировой экономики, чтобы нам, всем остальным людям, не надо было этим заниматься.

Как бы то ни было, Ахамед мог бы дать чуть более колоритное описание сотрудников МВФ, не ограничиваясь темными костюмами и галстуками, которые практически являются стандартной формой одежды. Мне хотелось увидеть больше историй и своеобразных личностей, которые делают МВФ интересным местом работы: например, таких как кассир-сандвинистка, которая дает советы о работе рынков, финский руководитель миссии, который мог пережить любого министра финансов из бывшего СССР, и исполнительный директор из Ирана, который, на несколько лет раньше, чем большинство государств-членов МВФ,

выступал за предоставление семейных льгот однополым партнерам.

Ахамед отмечает, что сотрудники МВФ представляют 150 стран, но его представление о разнообразии, видимо, не идет дальше паспортов. Более позитивный опыт различных меньшинств отражает эволюцию самой организации и позволил бы получить ценное представление о культуре МВФ и узнать порою трагикомические истории.

В то же время Ахамед утверждает, что персонал МВФ воплощает *единство в многообразии* в мировом масштабе: это дисциплинированная группа с однородными взглядами. Но он не объясняет, почему это так: они заканчивали те же аспирантуры, учились у тех же профессоров, писали диссертации на ту же тематику. Это отнюдь не означает, что они все думают одинаково, но это значит, что они говорят на том же профессиональном языке и могут вместе упорно решать сложные проблемы.

Эта схожесть приводит к необычайно жарким, хотя и дипломатичным, спорам за фондскими дверями с затменными стеклами. Типичная внутренняя оценка часто принимает фор-

му «фондового сэндвича»: в ней отмечается, что исследовательский документ был прекрасно написан; затем опровергается каждый сделанный тезис; в заключение делается комплимент о примененных эконометрических методах. МВФ тем и отличается от других учреждений, таких как Всемирный банк, что ожесточенная борьба остается внутри здания: как только споры решены, персонал выступает перед миром единым фронтом.

Эта дисциплина означает, что среди многих банков только одна финансовая организация является настолько существенной для мировой экономики, что она стала всем известна просто как «Фонд». В книге *«Деньги и суровая любовь»* Ахамед позволяет увидеть изнутри, как сотрудники превращают Фонд в нечто большее, чем сумма из его 2500 человеческих душ.

Бретт Хаус,

старший научный сотрудник, Центр по инновационному международному управлению, автор ряда работ, Фонд Jeanne Sauvé, Университет Макгила, бывший сотрудник МВФ

ны. Но предлагаемая в ней промышленная политика весьма существенно отличается от недавно возобновленной практики делать ставку на победителей, особенно победителей на основе сравнительных преимуществ.

Эти и другие несколько сложные идеи изложены интуитивно понятным и систематическим образом. Иногда для улучшения интуитивного понимания и уточнения выводов вводятся простые модели (в традициях Эрроу-Солоу). Части I и II представляют собой образец того, как представлять новые идеи читателям, которые экономически грамотны, но необязательно являются специалистами. Часть I начинается со значения обучения, затем в ней приводится описание того, как компании обучаются, потом рассматривается проблема структуры рынка, а в конце излагаются аспекты, связанные с благосостоянием и экономикой в целом. Часть II посвящена более сложным вопросам, таким как обучение в рамках закрытой экономики и долгосрочная динамика, но все же базируется на интуиции и простых моделях. Части I и II представляют собой пособие для того, чтобы научиться думать, как экономист, — пользоваться инструментарием этой профессии, чтобы решить наиболее острую проблему нашего времени: как помочь обществам обеспечить устойчивый рост. Эн-

тузиазм Стиглица и Гринвальда по поводу этой темы является заразительным.

Часть III «Меры политики для создания обучающегося общества» вызывает некоторое разочарование, отчасти из-за того, что ей не хватает строгого научного подхода и интуиции первых двух частей. Этот раздел начинается с долгой и порядком избитой критики Вашингтонского консенсуса и полномасштабной либерализации торговли. Неизвестно, является ли эта критика уловкой или нет, но она никоим образом не уточняет следствия для политики предложенной авторами теории обучающегося общества. В первых двух частях книги приводятся весомые доводы в пользу государственного вмешательства для содействия обучению. Проблема заключается в том, как разработать эти меры вмешательства таким образом, чтобы это не приводило к неэффективности государственных мер, которая проявлялась в прошлых попытках вмешательства (например, при проведении необоснованной промышленной политики в Африке до 1990-х годов). Стиглиц и Гринвальд косвенно ссылаются на эту проблему в коротком разделе о политической экономике. Но они не дают никаких рекомендаций (за исключением универсальной рекомендации о том, что «это зависит от особенностей страны»).

Но именно этот вопрос задают разработчики политики, особенно те, кто обжегся на рекомендациях по вопросам политики, имевших благие намерения, но в конечном итоге нанесших ущерб. С ним также связана проблема, поставленная Филиппом Агионом в его дискуссионных замечаниях относительно первоначальной лекции, где он спрашивает, являются ли аргументы в пользу промышленной политики «сильнее, чем веские контраргументы политической экономии», и приходит к выводу, что обоснованная рекомендация заключается в том, чтобы «экспериментировать, а затем убедиться, что вмешательство можно остановить, если оно окажется неэффективным».

Эта книга является такой убедительной и так хорошо написана, что разочарование, вызванное разделом о политике, не является критикой. Это, скорее, предложение написать последующую книгу, которая прямо посвящена вопросам разработки и проведения политики (а также базовым политическим стимулам) в интересах создания обучающегося общества.

Шантаянн Деваджан,

главный экономист по региону Ближнего Востока и Северной Африки во Всемирном банке